

Текст · 30 декабря 2023, 10:03

«И обязательно был тост, чтобы сдох наконец Сталин». Как встречали Новый год в ГУЛАГе — по воспоминаниям выживших

Даже когда вокруг непроглядный мрак, стоит помнить, что каждый Новый год приближает смерть ненавистного тирана и освобождение — этому учат письма из сталинских лагерей и мемуары узников, собранные «Медиазоной» вместе с [проектом](#) бывшего Сахаровского центра «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы».

1939. Вагонзак «где-то около Байкала»

В сентябре 1938 года поэт Николай Заболоцкий был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в причастности к «троцкистско-бухаринской группе» ленинградских писателей. С ноября 1938-го по апрель 1939 года его этапировали в Комсомольск-на-Амуре. Он встречает Новый год в поезде.

Шестьдесят с лишком дней мы тащились по Сибирской магистрали, простаивая целыми сутками на запасных путях. В теплушке было, помнится, человек сорок народу. Стояла лютая зима, морозы с каждым днем все крепчали и крепчали. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печурка, около которой сидел дневальный и смотрел за нею. Вначале мы жили на два этажа — одна половина людей помещалась внизу, а вторая — вверху, на

высоких нарах, устроенных по обе стороны вагона, на уровне немного ниже человеческого роста. Но вскоре нестерпимый мороз загнал всех нижних жителей на нары, но и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, мы жестоко страдали от холодов. Понемногу жизнь превратилась в чисто физиологическое существование, лишённое духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода и жажды, не замерзнуть и не быть застреленным, подобно зачумленной собаке...

В день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день — кипяток и обед из жидкой баланды и черпачка каши. Голодным и иззябшим людям этой пищи, конечно, не хватало. Но и этот жалкий паек выдавался нерегулярно и, очевидно, не всегда по вине обслуживающих нас привилегированных уголовных заключенных. Дело в том, что снабжение всей этой громады арестованных людей, двигавшихся в то время по Сибири нескончаемыми эшелонами, представляло собой сложную хозяйственную задачу. На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водой. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый, 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, выросшие на стенах вагона от наших же собственных испарений. Это новогоднее пиршество мне не удастся забыть до конца жизни.

Источник: Николай Заболоцкий, «Огонь, мерцающий в сосуде»

1939. Лагпункт на Онежском озере

В феврале 1938 года по делу о «контрреволюционной террористической организации» НКВД арестовал троих ленинградских студентов-историков: арабиста, будущего автора стихотворного перевода Корана Теодора Шумовского, египтолога Николая Ереховича и Льва Гумилева, сына поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Шумовского и Ереховича осудили на восемь лет лагерей, а Гумилева — на десять лет как лидера «организации». Отбывать наказание Шумовского и Гумилева отправили вместе — на лесозаготовки при впадении карельской реки Водла в Онежское озеро.

1 января 1939 года нам даровали выходной, но это был выходной за ворота зоны: велением лагерного начальства мы со своими пожитками расположились перед входом в наше общежитие с улицы. Нас окружила вооруженная стража, возле нас с поводков злобно рвались овчарки.

Великое стояние длилось весь день. Охранники в тулупах и валенках, стоя у костров, равнодушно оглядывали плохо одетых людей, беспомощно топтавшихся на отведенных местах. Новогодний мороз крепчал, стыли руки, ноги, все тело. Текли часы. Кого, чего ждали управители лагеря? Никого и ничего, просто заключенным надо было напомнить о том, что они бесправны и что по отношению к ним разрешена любая жестокость. Лишь когда стало смеркаться, начался «шмон» — обыск. Стражники вытряхивали содержимое сумок и мешков на снег и, скользнув торопливым взором по вещам, отрывисто роняли: «Забирай, иди в зону!».

Шатаясь, я добрался до барака и упал на свои нары. Меня бил озноб, в голове жгло. Лева Гумилев помог дойти до медпункта. Вдоль стен полутемной прихожей, страстно желая получить освобождение от изнурительной работы хоть на один день, в очереди на прием сидели узники-азербайджанцы. Когда мы с Левой появились в дверях, они дружно и молча пропустили нас без очереди — помогло то, что я постоянно разговаривал с ними на их родном языке, здесь, в дальнем и безрадостном северном краю им это было дорого. Фельдшер Гречук, тоже наш брат, арестант, поставил термометр, отметка 39 дала мне день передышки.

И вдруг вскоре — этап на соседний лагпункт.

Источник: Теодор Шумовский, [«Беседы с памятью»](#)

1943. Пермские леса под Гремячинском

В 1942 году 19-летний «сын врага народа»^[1] Анархус (Андрей) Эйзенберг попросился на фронт и был зачислен в отряд, сформированный из этнических немцев. На сборном пункте Мосгвоенкомата немецких добровольцев неожиданно передали под конвой НКВД и выслали на лесозаготовки Молотовской (Пермской) области.

Новый год мы встретили на поляне против барака. Ее расчистили от снега насколько смогли и установили на ней елку. Нижнюю часть ствола укрепили снегом, пропитанным водой. Получилось прочно и устойчиво. Сделали из мокрого снега игрушки и приморозили их к веткам. В стороне заготовили

костер, вокруг которого положили бревна для сидения.

31 декабря в 24 часа по московскому времени Леня Эйферт зажег костер, и мы все хором трижды прокричали «Ура!», да так, что нам показалось, слышно было даже в Москве. Маркуша, хитро подмигнув, пригласил всех в столовую. Там нас ожидал новогодний ужин. Анатолий Бергенгрюн нарядился в Деда Мороза и поздравил с наступившим Новым, 1943 годом, который должен стать переломным в политике и принести справедливое освобождение нам, а возможно, и призыв в армию, на фронт. Снова все, стоя, кричали «Ура!».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

1 января был выходной, и мы проспали до полудня. Вечером снова горел костер и звучали песни и стихи... Не веселился только один Леня Эйферт. Мы его не узнавали. Всегда общительный и веселый, он после вчерашнего «торжества» ходил мрачный и молчаливый. Лева Ауэ, сосед его по койке, говорил, что Леня всю ночь что-то писал.

Утром пошли завтракать и тут хватились Лени. Его не было. Тогда вспомнили, что он не умывался, да и вообще его не видно было, как встали. И тут Гиршфельд принес его шапку, которую нашел на дороге у барака. Руки его тряслись, лицо было землистым, и по всему его виду было ясно, что он

столкнулся с трагедией. Он сказал, что обнаружил Леню в помещении бани.

«Леня повесился и оставил письмо для И.В.Сталина и письмо для нас...». Я не мог пошевелиться, так оцепенел. Смотрел на ребят и ничего не соображал. Меня как парализовало: не шевелились ни руки, ни ноги... Письмо было запечатано в конверт, и на нем значился адрес: «Москва, Комитет Оборона, товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Лично». «Лично» было трижды подчеркнуто.

Когда наконец оцепенение, охватившее всех, прошло, мы стали говорить без умолку, как будто и остановиться не могли... Нужно было вынуть труп из петли. Положили мы Леню на стол, вынесенный из барака, против входа. Наломали пихтового лапника и на этой «постели» устроили его для проводов в последний путь... Казалось, он спит. На лице не было заметно следов удушья. Что делать дальше и как быть с трупом, не знали. Сообщить о случившемся не могли никуда и никому. Мы даже дорогу в леспромхоз не знали, ведь связи с внешним миром у нас не было.

Рейс дал мне письмо и попросил аккуратно вскрыть конверт: «Желательно без "следов"... Потом все вместе прочтем...». Я вскрыл конверт над паром, да он и заклеен был кое-как. Письмо было написано карандашом, аккуратным, красивым Лениным почерком. Я по просьбе всех прочитал его вслух:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пишет Вам сын немецкого патриота, большевика, ученого Г.Э. Эйферта, безвинно затравленного и расстрелянного органами НКВД в 1938 г., Эйферт Леонид.

Так же, как и мой отец, я арестован и сослан без суда и предъявления мне обвинения с 32 моими "соплеменниками" — москвичами в глушь тайги уральской, в Пермскую область, в район полного безлюдья, где нас сознательно обрекли на голодную смерть и постепенную гибель. Я, студент второго курса химического факультета МГУ, сознавая чинимое над нами органами НКВД беззаконие, в чьих руках и власти мы в настоящее время находимся, выражаю мой личный и наш общий протест по этому произволу. Все мы, и я в том числе, готовились с оружием в руках защищать нашу горячо любимую Родину — СССР от оголтелого фашизма на фронтах Великой Отечественной войны. Но нам выразили недоверие и сослали без суда и следствия в ссылку, лишив нас прав гражданства и самого святого — права защищать свою Родину от врага, вероломно напавшего на нее.

Обращаясь к Вам, дорогой товарищ Сталин, я прошу рассматривать мое письмо как крик души всех советских немцев, незаконно недопущенных к выполнению самого святого мужского долга — защите Родины. Я и мы все презираем смерть! Мы ее не боимся.

В доказательство своего презрения к смерти я сегодня покончу с собой. Я прошу никого из моих сотоварищей по ссылке не винить в моей смерти. Моя смерть — это сознательный акт моего протеста

против насилия и беззакония, чинимого над нами, советскими немцами, органами НКВД. Я ухожу из жизни сознательно, с высоко поднятой головой!».

И дальше я прочел письмо к нам:

«Дорогие мои друзья и товарищи по несчастью!

Прошу, не судите меня за мой уход из жизни. Этим я протестую за себя и всех вас, кого так жестоко и несправедливо наказала не судьба, а наши советские власти и НКВД в первую очередь. Знаю, моя смерть будет очень тяжелым ударом для вас всех. Но это лишь до тех пор, пока мое письмо не прочтет товарищ Сталин. Моя смерть принесет вам всем освобождение и справедливое признание вашего гражданского достоинства! Вы еще успеете повоевать на фронте за нашу Родину, я в это верю, и там каждый из вас пусть убьет по одному лишнему фашисту — этим вы отомстите им за меня! Прощайте, я вас очень любил! Это я понял и почувствовал вчера, в нашу новогоднюю ночь! Маме не сообщайте о моей смерти до конца войны. Она ведь уверена, что мы в рядах Красной Армии сражаемся с фашистами. Пусть она так и думает. Ей так легче. Простите меня!

Прощайте, ваш друг и товарищ по несчастью,

Леонид Эйферт

1 января 1943 г.».

Подпись была сделана кровью. Он для этой цели порезал себе руку. Хоронить мы его не решились. Под навесом для сена сделали накат в четыре

бревна высотой и три шириной, застелили пихтовым лапником и на это ложе уложили тело Лени. Так он лежал, напоминая нам о нашей суровой участи.

Источник: Андрей (Анархус) Эйзенбергер, «Если не выскажусь — задохнусь!». Отрывок приводится в сокращении

1943. Больница в Вятлаге

Крестьянин Артур Страдиньш из Екабпилсского уезда — один из 15 тысяч граждан Латвии, депортированных советскими оккупационными властями 14 июня 1941 года. Как «кулак»^[2] и доброволец латвийской нацгвардии (айзсарг) Страдиньш был не просто выслан, а арестован, этапирован в Вятлаг и уже там осужден на 10 лет лагерей. К осени он заболел цингой и попал в «слабосильную» бригаду, а потом в больницу. В заключении Страдиньш вел дневник. Спустя 60 лет этот документ нашла, опубликовала и перевела на русский исследовательница Бенилда Эзериня, чей отец погиб в Вятлаге.

31 ДЕКАБРЯ, ЧЕТВЕРГ. С утра в стационаре банный день. Дневной паек — 600 грамм хлеба выдали после обеда, который сразу с солью и водой съел. Не стал хранить до ужина, так как сказали, что сегодня будет выписка из стационара. Но выписки не было. Встречу Новый год здесь. На ужин, в последний день старого года, дали по кусочку рыбы. На улице завывает ветер. Лежим на нарах рядом с Андреем Микельсоном. Он рассказывает о традиционном блюде при встрече Нового года — печеном карпе. Говорим про обычаи при встрече Нового года и проводах Старого. Засыпая, желаю всем близким счастливого Нового года. Ночью

слышу свисток паровоза. Рабочие бригады уходят грузить вагоны дровами. Приходится искать чурки в глубоком снегу. Помню, в прошлом году в это время шли из седьмого лагпункта во второй грузить дрова. Обувь и одежды теплой у большинства не было, многие обморозились. После обморожения у многих подошвы превратились в сплошной водяной пузырь. С тех пор прошел год. Время приближается к 12 часам ночи. Слышен фабричный гудок на пятом лагпункте. Желаем друг другу счастья, начался 1943 год.

Видео на YouTube

YouTube

"The poste restante diary" - "Дневник до востребования"

@Grigory Amnuel

<https://www.youtube.com/watch?v=1TiR4vfTev0>

Документальный фильм «Дневник до востребования» по мотивам лагерных записок Артура Страдиньша

1 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА. С утра все желают друг другу счастья. На завтрак небольшая миска супа из капустных листьев без жиров. Чуть позже дали 600 грамм хлеба. На обед опять суп из листьев и маленькая поварешка в 50 грамм с подливкой из легкого. На ужин тот же жидкий суп. Это питание на праздничный день. Вечером съедаю оставленный кусочек хлеба и выпиваю кружечку черного кофе^[3]. У кого осталось хоть немного сил, чувствуют себя счастливыми, что находятся в тепле.

Источник: Артур Страдиньш, «Лагерный дневник (Вятлаг — 1941-1943)»

1945. Магаданская тюрьма

31 декабря 1944 года военный трибунал войск НКВД при Дальстрое приговорил составителей рукописного сборника «Колымская каторга» Елену Владимирову, Евгению Костюк и Валерия Ладейщикова к расстрелу. Это был уже второй смертный приговор Ладейщикова — первый, вынесенный ему в 1942 году за участие в лагерном сопротивлении, заменили на 10 лет строгого режима, когда Ладейщиков симулировал помешательство.

Приговор вынесли под вечер. Судьи спешили к праздничным столам.

Нас, смертников, вели порознь. «Сквозь морозную дымку мы с Женей видели твою спину», — вспоминала Елена. Путь от здания суда до тюрьмы показался нам не очень длинным, шагов двести-триста.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

В смертной камере, куда я попал, кроме меня сидели трое уголовников по одному делу: главарь — крымский татарин Борис Капитан в щеголеватом кожаном пальто, Володька Родненький — вор-дальневосточник и Мустафа, внешне похожий на своего тезку из фильма «Путевка в жизнь», только подлый и продажный. Дело, как узнал позже, было громкое. На пароходе «Джурма», везущем заключенных из Владивостока на Колыму, создавалась

чрезвычайная ситуация. Ни конвой, ни лагерная обслуга никак не могли наладить порядок и раздачу пищи на судне. Едва хлеб и бачки с баландой спускались по трапу в трюмы, как к ним, топча слабых, устремлялись более сильные и забирали себе все. Появились жертвы, начался голод. Начальство растерялось, обратилось за помощью к заключенным. Тогда Борис Капитан и предложил свои услуги. Он набрал команду из «крепких ребят», бывших воров, и, по его версии, навел на судне порядок.

— Верно, мы раздавали хлеб и густую кашу прямо в шапки и подола рубаш. Но не потому, что куражились, а другого выхода не было. Если б не мы, половины зеков не довезли бы до берега, подошли с голоду или бы их в толпе растоптали. Озверели же все. Ну, а если кого пришили или за борт сбросили — не без того, — так чтобы воду не мутили. А нам в награду — расстрел. Начальство, вишь, чистеньким захотело остаться!

Борис умалчивал о том, что на «Джурме» безраздельно царствовала его шайка. Раздобыли спирт. У них были любые продукты. Устраивали вместе с охраной кутежи. Стали сводить счеты с «ворами в законе». Один лег было в санчасть. Его выволокли на палубу, стали подталкивать к борту. Тому удалось ухватиться за поручень. Тогда Тамара-атаманша, щеголявшая в кубанке (она закрутила любовь с самым начальником конвоя), стала кинжальчиком — чик, чик! — обрубить ему пальцы. Пальцы падали на палубу — парень с криком полетел за борт. Вот в такой компании встречал я новогоднюю ночь 1945 года — года Великой Победы.

Я угрюмо сидел на верхних нарах слева от двери, спиной к стене. И вдруг услышал осторожное постукивание с той стороны: тук-тук... тук. Не веря себе, не поворачиваясь, ответил: тук-тук, тук. Наши! Нет, есть все-таки на свете Верховное Существо! Есть чудеса! Стучали Лена и Женя. Они оказались в соседней камере. И как хорошо, что именно здесь, у стенки, сел я. О том, чтобы перестукиваться — все может случиться, — о «рылеевской азбуке», приспособленной к нашим дням, мы договорились еще на суде.

«Поздравляю с Новым годом! — отстучал и я. — Желаю...» Что могут пожелать друг другу смертники в новогоднюю ночь? Крепкого здоровья и бодрости? Счастья? Конечно же, жизни. Даже не долгой, а просто жизни.

Источник: Валерий Ладейщиков, **«Записки смертника»**

1949. Коми АССР

В 1947 году на выборах в Верховный совет СССР ученик токаря из подмосковной Ивантеевки Сергей Галанин опустил в урну анонимную записку «о тяжелой жизни колхозников в стране социализма». Ему дали пять лет исправительно-трудовых лагерей и отправили в Коми АССР на строительство железной дороги.

1 января 1949 года. Утром, придя с работы, я получил посылку, но не успел рассмотреть, что в ней и от кого. Нас выгнали на разгрузку угля. Только вечером по записке определил, как и что. В этот день многим были посылки... Мне очень понравилось, как хорошо встречали новый год шесть литовцев в

нашем бараке. Четверо из них получили посылки. Они поставили маленькую елочку, зажгли на ней свечи, приготовили много блюд... Старейший из них встал, произнес трогательную и запоминающуюся речь (как жили, как отбывали срок, как жить в дальнейшем, и что судьбою суждено перенести некоторые лишения, что они пятый год встречают без жен, детей и матерей и что они вернутся на родину, чтобы честно продолжать жить, умно и без ошибок)... Я впервые увидел живых людей, лишенных прав, ограниченных, мелких, но продолжающих (хоть надеждой) жить, вспоминать прошлое за колючей проволокой, несмотря на все лишения и тяготы.

...Трудный для меня был последний месяц. Можно сказать, самый трудный в питании за весь прошлый год... Я заметил, каким широким стал у меня воротник гимнастерки. Мне раньше не верилось, что можно похудеть на 10 кг и быть живым, а такие люди сейчас есть.

Источник: Сергей Галанин, [«Письма из ада»](#)

1952. Камышлаг, Кемеровская область

В 1951 году 20-летнего студента из Каунаса Кястутиса Лакицкаса осудили на 15 лет лагерей и этапировали в Кемеровскую область в поселок Олжерасс (сейчас Междуреченск). По [данным](#) «Мемориала», после перевода в Горлаг в 1953 году он принял участие в легендарном [Норильском восстании](#).

Приближалось Рождество. По давней традиции католики отмечают его 25 декабря. Его ждут, к нему готовятся. Здесь, в лагере-распределителе, нам

предстояло отмечать этот светлый праздник впервые. Как это получится? На сходке заключенных-литовцев было решено готовиться. Нам предстояло сохранить трехдневную норму сахара и хлеба. При лагерном рационе и порядке сделать это чрезвычайно трудно. Сахар приходилось носить постоянно с собой в тряпице на груди под нательной рубашкой. Прятали от жадных и голодных глаз и хлеб, полученный утром в день Кутьи^[4]. Есть хотелось ужасно, но все ждали вечера. И вот он наступил.

Мы собрались в одной секции.

Ксендз-священнослужитель на воле — Станислав Кишкис^[5] — руководил праздником. Мы сели на нары, выложив перед собой припасенный сахар, хлеб и алюминиевые кружки. Станислав поздравил всех с наступающим праздником, пожелал всем здоровья, счастья и чтобы следующую Кутью каждый мог отметить у себя на родине, в кругу своей семьи. Каждый из нас отломил маленький кусочек хлеба от пайки своего соседа. Такова традиция.

Наступило время разговоров, воспоминаний. И у всех буквально одна тема: как он встречал Рождество у себя дома. Рассказывали об обычаях, гаданиях, о мессах в костеле, снежных рождественских праздниках и нарядных новогодних елках.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Я вышел на улицу. На территории зоны сохранилось несколько очень больших елей. Наши новогодние елки! Как хорошо было стоять под ними в тишине и любоваться звездным небом! Я простоял бы так, наверное, весь свой срок, но мороз не дал мне побыть там и десяти минут.

На нарах перед моими глазами на расстоянии протянутой руки был дощатый потолок, местами заиндевевший, мороз пробивался через кровлю. Лежал с закрытыми глазами, не хотелось в эти минуты видеть и чувствовать свою жизнь здесь. В мечтах я был весь там — в Литве. Видел свою любимую девушку Марите и мне казалось, что именно в эти минуты она у себя в Жарияй так же, как я, не спит и думает обо мне.

За несколько дней до Нового года нам сообщили радостную весть: мы можем написать короткое письмо домой. Но тут же выставили условия: необходимо писать по-русски, четко и ясно, и если эти требования не будут соблюдены, то цензор выбросит письмо в ведро и потом использует его для растопки дров в своей каморке.

Нам объяснили и то, что мы имеем право писать только два письма в год. Написал небольшую открытку, в которой сообщил своим родным, что я жив, здоров, весел и живу если еще не в раю, то рядом с ним. Мне хотелось таким образом угодить цензору. Если эта открытка не дойдет до дома, мои родные еще полгода не будут знать, где я нахожусь и жив ли я.

Не имел ты права сообщить своим близким, что ты имеешь возможность написать им только два раза в

год. Можешь написать сразу два письма. Следующую весточку от себя ты пошлешь уже только через год. Родные спрашивали, требовали, возмущались твоим долгим молчанием. В конце концов многие теряли друзей и близких, случались трагедии. Через несколько лет отсидки потерял связь с родными и я.

А между тем подошел очередной в моей жизни Новый год. 1952-й. По календарю. Первый в моей лагерной эпопее. Но отмечался значительно скромнее, чем год назад в Каунасе на студенческой вечеринке. Здесь был отбой в положенное время, как всегда минута в минуту. Все улеглись по своим местам. Я влез на свое место к потолку и вновь предался грезам.

В полночь мой потолок вдруг осветился. В Междуречье, над тем местом, которое называлось Томусой, шипя, взметнулось несколько цветных ракет. Солдаты за зоной решили отметить Новый год. Для нас этот короткий фейерверк или для себя? Скорее всего, для себя. Нас они уложили уже стуком железа о рельсу у вахты. Мы для них спим, нам, по их убеждению, уже не существует даже таких праздников, как Новый год. Мы лишены человеческих прав, мы — люди с номерами. Мы — никто!

**Источник: Кястутис Лакицкас, «Воспоминания бывшего заключенного "3-311" Кястутиса Лакицкаса».
Отрывок приводится в сокращении**

1953. Санчасть Речлага, Воркута

В 1948 году ленинградский рентгенолог Олег Боровский получил 25 лет лагерей из-за неосторожной фразы своего друга, с которым он ездил на парад физкультурников

в Москву: «Сталин был так близко, стрельнуть можно». В заключении Боровский спроектировал и оборудовал рентгеновские кабинеты при нескольких шахтах воркутинского Речлага.

Как-то незаметно закончился 1952 год, и я стал готовиться к встрече 1953-го. Никто, конечно, тогда не предполагал, что в новом году наши надежды и мечты получат весьма обнадеживающие толчки...

Несмотря на ужасающий режим, провокаторскую деятельность стукачей всех рангов, мы все же научились уходить в столь глубокое подполье, что ни один вражина с погонами не мог разузнать, чем мы там занимаемся.

Новый год мы всегда встречали стопкой, и закусон тоже бывал не так уж плох, срабатывали мои связи со столовой и кухней санчасти, да и хлопцы-бандеровцы-^[6] не забывали меня: круги домашней колбасы и шматки сала весьма уютно располагались на нашем импровизированном новогоднем столе. Но вот обеспечение «напитками» было целиком за мной. Незадолго до последнего часа уходящего года мы ставили защитный экран рентгеновского аппарата в горизонтальное положение, накрывали его чистыми простынями и сервировали «стол» подручными средствами. Водку пили, конечно, из стаканов, рюмок, к сожалению, не было. Первый тост всегда провозглашался за освобождение, не уточняя, впрочем, по какой причине, просто за жизнь на свободе. Потом следовали тосты за здоровье всех присутствующих, за женщин, которые любили и, может быть, ждали нас, за детей, у кого они были... И обязательно был тост, чтобы сдох наконец Сталин,

— с этим обстоятельством почти все зеки связывали надежду на свое освобождение. Встречая 1953 год, кто-то провозгласил и этот тост, и мы, стоя, чокались в молчании...

Источник: Олег Боровский, [«Рентген строгого режима»](#)

1954. Экибастузлаг

Студент-медик из Рязани Мирон Этлис был арестован меньше чем за сутки до смерти Сталина — в ночь на 5 марта 1953 года — и получил 25 лет лагерей: он не донес на однокашника, который предложил ему вступить в подпольную молодежную группу «Союз борьбы за дело революции». Этлиса отправили на строительство Экибастузской электростанции, он работал в каменном карьере.

Запомнилось, что за неделю до Нового года было новшество: в каждом жилом помещении появилось по репродуктору. Включалась эта сеть лишь для объявления приказов и по воскресеньям ненадолго для музыкальных номеров, так что никаких утренних зарядок, пионерских зорек и последних известий слышно не было, и лишь иногда прорывался невнятный текст. Никакой самодеятельности в зоне тогда не было, и культурно-воспитательная часть себя не проявляла. Таков был особый тон жизни зоны в этот период. Лева Гроссман^[7] говорил, что задал этот тон раз и навсегда начальник режима Мачуковский, человек волевой и держащий под своим влиянием всю лагерную администрацию. Этим объясняли и порядки с нашей радиосетью, ибо Мачуковскому, как плац-майору из записок Достоевского, «надо

было везде кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, одним словом — где-нибудь произвести распорядок»^[8].

«Распорядок», произведенный в радиовещании, отравил всей зоне новогодний день. Человеческого голоса из репродукторов не доносилось, но с подъема до отбоя звучала музыка духовых оркестров. Утром надзиратели обошли бараки, проведя в некоторых, в нашем в том числе, доскональный шмон. Одновременно было объявлено, что выключать репродукторы запрещается — на случай желания администрации что-нибудь объявить по радио. Объявлений не последовало, но оркестры звучали.

Заклученные почувствовали в этом концерте очередное насилие над собой, и многие вслух выражали возмущение. Но нашлись и особо стойкие оптимисты, среди которых оказался Лева, которые утверждали, что сие — последний крик режима, что нам косвенно объявляется: новый 1954 год будет годом больших перемен в лагерном режиме. Помнится, что некоторые посмеивались, а Брадопорт-^[9] ответил на Левины прогнозы словами о том, что помнит подобный случай, когда на Соловках вдруг наладили всюду яркое электрическое освещение, и все считали это чуть ли не знамением предстоящей большой амнистии, а в действительности ждали приезда Алексея Максимовича Горького. Он вскоре приехал, но все осталось по-прежнему, и лампочки снова засветили в четверть накала.

Источник: Мирон Этлис, «Современники ГУЛАГа»

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Его отец, бывший работник Коминтерна Иосиф Эйзенберг погиб в лагере на Колыме в 1938 году.
2. Страдиньш унаследовал от отца 18 гектаров земли.
3. Ячменного.
4. Каша из цельных зерен, традиционное рождественское блюдо. Иногда так называют сам канун Рождества, Сочельник.
5. В 1941 году отец Станислав (Станисловас) Кишкис спас нескольких раненых красноармейцев и организовал для них госпиталь при церкви. Позже раненых забрали немецкие военные. В 1947 году Кишкиса осудили на 10 лет лагерей по обвинению в том, что он якобы выдал советских солдат фашистам. После освобождения возвращался в Сибирь, чтобы окормлять ссыльных католиков. В 1958 году получил за это второй срок — четыре года.
6. Осужденные за «предательство и пособничество немецким оккупантам» украинцы составляли до 40% контингента Речлага.
7. Киносценарист Лев Гроссман. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» Александр Солженицын вывел его под именем Цезарь Маркович.
8. Мирон Этлис цитирует «Записки из мертвого дома».
9. Прозвище журналиста и полярника Арнольда Рапопорта, чьи свидетельства Александр Солженицын использовал при работе над «Архипелагом ГУЛАГ». Рапопорт жил в лагерях и ссылке с середины 1930-х и дважды пытался бежать.